РУССКІЯ СКАЗКИ
Казака
Луганскаго.

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

о Иванѣ молодомъ сержантѣ, удалой головѣ, безъ роду, безъ племени, спроста безъ прозвища.

МИЛЫМЪ СЕСТРАМЪ МОИМЪ

ПАВЛѢ и АЛЕКСАНДРѢ

Сказка изъ похожденій слагается, присказками красуется, небылицами минувшими отзывается, за былями буднишними не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тотъ пусть на русскія поговорки не прогнѣвается, языка доморощенаго не пугается; у меня сказочникъ въ лаптяхъ; по паркетамъ не шатывался, своды расписныя рѣчи затѣйливыя только по сказкамъ однѣмъ и знаетъ. А кому сказка моя про царя Дадона золотаго кошеля, про двѣнадцать князей его, про конюшихъ, стольниковъ, блюдолизовъ придворныхъ, про Ивана молодаго сержанта удалую голову, спроста безъ прозвища безъ роду безъ племени, и

прекрасную супругу его дѣвицу Катерину, не по нутру, не по нраву — тотъ садись за грамоты французскія, переплеты сафьяновые, листы золотообрѣзные, читай бредни высокоумныя! Счастливый путь ему на ахинеи, на баклуши, заморскія; не видать ему стороны затѣйливой какъ ушей своихъ; не видать и гуслей самогудовъ: сами заводятся, сами пляшутъ, сами играютъ, сами пѣсни поютъ; — не видать и Дадона золотова кошеля, ни чудесъ неимовѣрныхъ, Иваномъ молодымъ сержантомъ созидаемыхъ! А мы, люди темные, не за большимъ гоняемся, сказками потѣшаемся, съ вѣдьмами, съ чародѣями, якшаемся. — Въ нашей сказкѣ на всякаго плясуна по погудкѣ, про куму Соломониду страсти напасти, про насъ со сватомъ смѣхи потѣхи!

Въ нѣкоторомъ самодержавномъ царствѣ, что за тридевять земель за тридесятымъ государствомъ, жилъ былъ царь Дадонъ золотой кошель. У этого царя было великое множество подвластныхъ князей: князь Панкратій, князь Климъ, князь Кондратій, князь Трофимъ, князь Игнатій, князь Евдокимъ, много другихъ такихъ же, и сверхъ того правдолюбивые сердобольные министры, фельдмаршалъ Кашинъ, генералъ Дюжинъ, губернаторъ графъ Чихирь пяташная голова, да строевова боевова войска Иванъ молодой сержантъ удалая голова безъ роду безъ

племени спроста безъ прозвища. Его–то царь Дадонъ любилъ за вѣрную службу его, и жаловалъ неоднократно большими чинами, деньгами, лентами первоклассными, златочеканными кавалеріями, крестами, медалями и орденами. Таковая милость царская подвела его подъ зависть вельможъ и бояръ придворныхъ, и пришли они въ полномъ облаченіи своемъ къ царю, и принявъ слово стали такую рѣчь говорить: Зачто, государь, изволишь жаловать Ивана молодова сержанта милостями–почестями своими царскими, осыпать благоволеніями многократными на равнѣ съ твоими полководцами? Мы, не въ похвальбу сказано, не въ укоръ помянуто, мы, кажется, для тебя большаго стоимъ; собираемъ съ крестьянъ подати оброки хорошіе, живемъ не по холопьи, хлѣбомъ–солью, пивомъ–медомъ угощаемъ и чествуемъ всякаго, носимъ на себѣ чины и званія генеральскіе, которые на свѣтѣ цѣнятся выше чина капральскаго.

Царь этотъ царствовалъ какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ не паритъ, переломитъ не тужитъ! Онъ, послушавъ правдолюбивыхъ и сердобольныхъ совѣтниковъ своихъ, приказалъ немедленно отобрать отъ Ивана молодаго сержанта удалой головы безъ роду безъ племени спроста безъ прозвища, всѣ документы царскіе, чины, ордена, златочеканныя

медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него болѣе вельможи, бояре царскіе, стали клеветать, обносить, оговаривать. Подстрѣленнаго сокола и ворона носомъ долбитъ; свались только съ ногъ, а за тычками дѣло не станетъ! Бился, бился нашъ Иванъ — какова добра еще дожидаться? Надувшись на пиво, его не выпьешь; глядя на лѣсъ не выростешь, а смотря на людей богатъ не будешь. Задумалъ онъ наконецъ худое дѣло сдѣлать, бѣжать изъ службы царской — земля государева не клиномъ сошлась; бѣглому одна дорога, а погонщикамъ сто; а поймаютъ — воля Божья, судъ царевъ: хуже худова не бываетъ, а здѣсь не сдобровать. Выждалъ онъ ночь потемнѣе, собрался и пошелъ, куда глаза глядятъ, куда стопы понесутъ молодецкія!

Пріятель нашъ не хорошо сдѣлалъ, что сбѣжалъ, о томъ ни слова, но и то сказать, человѣкъ не скотина; терпитъ напраслину до поры до времени, а пошла брага черезъ край, такъ и не сговоришь! Исподоволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь!

Не успѣлъ выдти Иванъ нашъ на первый перекрестокъ, видитъ встрѣчаетъ, глазамъ своимъ молодецкимъ не довѣряетъ, видитъ прекрасную дѣвицу, стоитъ дѣвица Катерина, что твоя красная малина!

разодѣтая, разубраная, какъ ряженая суженая! — Она поклонилась обязательно, привѣтствовала милостиво и спросила съ ласкою: кто онъ таковъ, куда и зачѣмъ идетъ или посланъ, по своему ли желанью или по чьему приказанью? Не торопись къ худу Иванъ молодой сержантъ удалая ты голова безъ роду безъ племени спроста безъ прозвища, продолжала она, а держись блага — послушай ты моего дѣвичьяго разума глупаго, будешь умнѣе умнаго: задумалъ ты худое дѣло дѣлать, бѣжать изъ службы царской, не схоронишь ты концевъ въ воду, выйдетъ черезъ годъ со днемъ наружу грѣхъ твой, пропадетъ за побѣгъ вся служба твоя; подумай–ка ты лучше думу да воротись; не всѣмъ въ изобиліи въ раздольи жить припѣваючи, бѣлорыбицой по Волгѣ рѣкѣ разгуливать; кто служитъ, тотъ и тужитъ; ложку меду, бочку дегтю — не съѣшь горькаго, не поѣшь и сладкаго, не смазавъ дегтемъ, не поѣдешь и по брагу! Мало славы служить изъ одной корысти; нѣтъ Иванъ, послужи–ка ты своему царю заморскому, подъ оговоромъ, подъ клеветою, вѣрою и правдою, какъ служатъ на Руси, изъ одной ревности да изъ чести! Воротись, Иванъ молодой сержантъ, да женись ты на мнѣ, такъ мы бы съ тобою и стали жить да поживать; любишь такъ скажи, а не любишь откажи! Запросъ въ карманъ не лѣзетъ.

Есть притча короче носа птичья: жениться не лапоть надѣть, а однѣ лапти плетутся безъ мѣры, да на всякую ногу приходятся! И истинно; жена не гусли; поигравши на стѣнку не повѣсишь, а съ кѣмъ подъ вѣнецъ съ тѣмъ и въ могилу — приглядись, приноровись, а потомъ женись, примѣрь десять разъ а отрѣжь одинъ разъ; на горячей клячѣ жениться не ѣзди! — Все это и справедливо и хорошо, но иногда дѣло какъ будто бы напередъ уже слажено, а суженаго и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь! Такъ и тутъ случилось; капралъ нашъ солдатъ, человѣкъ сговорчивый, подалъ руку дѣвицѣ Катеринѣ — вотъ то–то свахи наши ахнутъ: что за некрещеная земля, гдѣ сговоръ могъ состояться безъ нихъ!!! — подалъ руку ей, она ему надѣла на перстъ колечко обручальное даровое–завѣтное, дарующее силу и крѣпость и неизсякающее терпѣніе, вымолвила пригодное слово, и чета наша идетъ не идетъ, летитъ не летитъ, а до заутрени очутились они въ первопрестольномъ градѣ своемъ, снарядились и обвѣнчались, а съ разсвѣтомъ встали молодыми супругами.

И вдругъ отколѣ что взялося, пошла Ивану опять прежняя милость царская, чины и деньги и лестныя награды, и зажилъ онъ припѣваючи домовитымъ хозяиномъ, какъ ярославской мужикъ. И снова сталъ лукавый мучить завистью правдолюбивыхъ

сердобольныхъ министровъ царскихъ, фельдмаршала Кашина, генерала Дюжина, губернатора графа Чихиря пяташную голову, и предложили они единодушно царю, чтобы Иванъ молодой сержантъ покрайней мѣрѣ заслужилъ службою милость царскую, показалъ бы на дѣлѣ рысь свою утиную лапчатую. Въ слѣдствіе сего Иванъ молодой сержантъ на утро вычистился, бѣлье натеръ человѣчьимъ мясомъ *), брюки велѣлъ женѣ вымыть и выкатать, на себѣ высушилъ, словомъ снарядился какъ на ординарцы, и явился ко двору. Царь Дадонъ, трепнувъ его по плечу, вызывалъ службу служить — радъ стараться, отвѣчалъ Иванъ. Что бы ты мнѣ, продолжалъ царь, за одинъ день за одну ночь, и всего за однѣ сутки, сосчиталъ, сколько сотъ, тысячь, или милліоновъ зеренъ пшеницы въ трехъ большихъ амбарахъ моихъ, и съ разсвѣтомъ доложилъ мнѣ объ этомъ. Если сочтешь вѣрно, пойдетъ снова милость царская, пуще прежняго; а нѣтъ, такъ казнить, повинную голову рубить!

Взяла кручинушка Ивана молодова сержанта удалую голову безъ роду безъ племени спроста безъ прозвища, повѣсилъ

***) Бѣлье у солдата *что бѣлится*, бѣлая коженая амуниція. Бѣлятъ ее составомъ изъ бѣлой глины на клею, а натирается она и вылащивается голою рукою.**

онъ головушку на правую сторонушку, пришелъ горемычный домой. О чемъ тужишь–горюешь, очи солдатскія потупляешь, или горе старое мыкаешь–поминаешь? Такъ спросила его благовѣрная супруга дѣвица Катерина. — Всевозлюбленная и распрекрасная дражайшая сожительница моя, держалъ отвѣтъ Иванъ молодой сержантъ, не безчести въ загоняхъ добра молодца, загоняешь и волка, такъ будетъ овца! Какъ мнѣ не тужить не горевать, когда царь Дадонъ, слушая царедворцевъ своихъ, велитъ мнѣ службу служить непомѣрную, велитъ мнѣ за одинъ день за одну ночь, и всего то, русскимъ счетомъ, за однѣ сутки счесть, сколько въ трехъ большихъ амбарахъ его царскихъ сотъ, тысячь, или милліоновъ зеренъ пшеницы — сочту, такъ пойдетъ милость царская, а нѣтъ, такъ казнить, повинную голову рубить! Эхъ, Иванъ молодой сержантъ удалая ты голова, дражайшій сожитель и супругъ мой! Это не служба, а службишка, а служба будетъ впереди! Ложись–ка ты спать, утро вечера мудренѣе, — завтра встанемъ, да умывшись и помолившись подумаемъ. Такъ рекла прекрасная Катерина; напоила накормила его, и спать положила и прибаюкивала пѣсенкою:

За лѣсами за горами горы да лѣса,
А за тѣми за лѣсами лѣсъ да гора —

А за тою за горою горы да лѣса,
А за тѣми за лѣсами трынъ да трава;
Тамъ луга заповѣднымъ дикимъ лѣсомъ поросли
И древа въ томъ лѣсу стоеросовыя,
На нихъ шишки простыя не кокосовыя!

Сожитель легъ, зѣвнулъ, заснулъ — а Катерина вышла за вороты тесовыя на крылечко бѣлокаменное, махнула платочкомъ Италіанскимъ и молвила: ахъ вы любезные мои повытчики, батюшкины посольщики, нашему дѣлу помощники, пожалуйте сюда! И тотчасъ отколѣ не возмись старикъ, идетъ, клюкой подпирается, на немъ шапка мотается, головой киваетъ, бородой слѣдъ заметаетъ; сталъ, и послушно отъ повелительницы приказанія ожидаетъ. Сослужи–ка ты мнѣ, вѣщунъ чародѣй, службу, сосчитай до утра, сколько въ трехъ большихъ амбарахъ государевыхъ счетомъ зеренъ? Ахъ, любезная наша повелительница, дочь родная–кровная нашего отца–командира, это не служба, а службишка, а служба будетъ впереди; самъ какъ свиснетъ да гаркнетъ на своихъ на прикащиковъ такъ со всѣхъ сторонъ налетѣли, тма тмущая — что твоя туча громовая черная! — Какъ принялися за работу, за разсчетъ, не довольно по горсти, по зерну на каждаго не досталось!

Еще черти на кулачки не бились, нашъ Иванъ просыпается, глаза протираетъ, сонъ тяжкій отряхаетъ, бѣду неминучую смерть вѣрную ожидаетъ. Вдругъ подходитъ къ нему супруга его благовѣрная, сожительница Катерина, грамоту харатейную разсчетъ вѣрный зернамъ пшеничнымъ подноситъ. А вѣка тогда были темные, грамотѣ скорописной мало кто зналъ, печатной и въ заводѣ не было — церковными буквами подъ титлами и ключами числа несмѣтныя нагорожены — азы прописные красные, узорчатые, строчные черные, буднишніе — кто имъ дастъ толку? Да и не повѣрять же стать! Ни свѣтъ ни заря явился капралъ нашъ на войсковой дворъ и подалъ грамоту по начальству. А придворные правдолюбивые фельдмаршалъ Кашинъ, генералъ Дюжинъ, губернаторъ графъ Чихирь пяташная голова, мысленно капрала давно уже казнили, четверили, повѣсили, тѣло его всесожженію предали и прахъ отъ востока до заката развѣяли. Царь передалъ грамоту и дѣло Ивана на судъ царедворцамъ своимъ. А царедворцы его кто взятъ изъ грязи да посаженъ въ князи; кто и великъ тѣломъ да малъ дѣломъ; иной съ высоку да безъ намеку, тотъ съ виду орелъ да умомъ тетеревъ, личикомъ бѣленекъ да умомъ простенекъ, хоть и не книженъ да хорошо остриженъ; — а которые по смышленѣе, такъ все плуты на голо, кто кого сможетъ,

тотъ того и гложетъ, ну словомъ, живутъ только хлѣбъ жуютъ, ѣдятъ — небо коптятъ! — Они повелѣли, именемъ Дадона, собрать всѣхъ счетчиковъ, ариѳметчиковъ, со всего царства, составить засѣданіе и повѣрить огромные итоги. Ариѳметчики бились, бились, — перебрали жалованья, каждый, тысячь по нѣскольку, получили по чину сенаторскому, по двѣ ленты на крестъ, по плюмажу на шляпу, и рѣшили наконецъ единогласно и единодушно, чтобы: грамоту нерукотворную харатейную отдать на сохраненіе въ приличное книгохранилище и передавать изъ рода въ родъ позднѣйшему потомству, яко достопамятность просвѣщеннаго вѣка великоименитаго, великодаровитаго, великодержавнаго и великомудраго царя Дадона золотаго кошеля; — что же именно касается выкладки счета сего, то оно дѣйствительно можетъ быть такъ, а можетъ быть и не такъ; а потому не благоугодно ли будетъ вышепоименованному Ивану молодому сержанту повелѣть, яко остающемуся и пребывающему подъ сомнѣніемъ, повелѣть службу служить ему иную и исполнить оную съ большимъ тщаніемъ и раченіемъ? Царь Дадонъ пожаловалъ имъ теперь по кресту на петлицу, по звѣздѣ на пуговицу, по банту за спину.

А службу опять загадали Ивану бездѣлицу: въ одинъ день, въ одну ночь, всего–то русскимъ счетомъ, въ однѣ сутки,

выкопать вокругъ города–столицы канаву, сто саженъ глубины сто саженъ ширины, воды напустить, чтобы корабли ходили, рыба гуляла, пушки по берегамъ на валу стояли, и до разсвѣту производилась бы пальба; ибо царь Дадонъ золотой кошель намѣревался потѣшаться и праздновать имянины свои. Если сослужитъ Иванъ службу эту — любить и золотомъ дарить; если нѣтъ такъ казнить, голову рубить!

Вотъ когда нашему Ивану пришлось хоть волкомъ взвыть! Разорвись нашъ братъ на двое, скажутъ: двѣ ноги, двѣ руки, почему не на четверо? Подгорюнился, пришелъ домой, судьбу свою проклинаетъ, смерть вѣрную ожидаетъ; попало зернышко подъ жерновъ, быть ему смолоту; съ вѣтромъ божьимъ съ волею мастера не поспоришь. Но прекрасная Катерина, спросивъ и узнавъ кручину супруга–сожителя, снова намекнула ему: это не служба, а службишка, а служба будетъ впереди; положила спать, убаюкала тою же пѣснію, вышла и накликала вѣщуна–чародѣя. Идетъ, головой киваетъ, бородой слѣдъ заметаетъ — какъ свиснетъ да топнетъ на своихъ на прикащиковъ — ночи тму затмили; а за работу принялись, такъ не только по горсти земли, по зерну, по одной песчинкѣ на брата не досталось!

Съ разсвѣтомъ дня царь, министры его, вельможи, царедворцы, думные и конюшіе и вся столица просыпаются отъ гула

пушекъ, и губернаторъ графъ Чихирь пяташная голова, въ легкомъ ночномъ уборѣ, въ валентиновомъ халатѣ, съ парламентеромъ на шеѣ, походя съ ногъ на горнаго шотландца, выскочилъ изъ терема своего въ три авантажа на балахонъ и старался усмотрѣть въ подозрительную трубу подступающаго непріятеля. Когда же дѣло все обнаружилось, то Иванъ, за страхъ причиненный царю Дадону, царедворцамъ его и всѣмъ честнымъ согражданамъ, былъ схваченъ и посаженъ до времени подъ стражу; губернатора графа Чихиря сдѣлали комендантомъ новой крѣпости; фельдмаршалу Кашину, за дѣятельныя мѣры для отраженія мнимаго непріятеля, сшили, въ знакъ отличія, кафтанъ изъ однѣхъ разноцвѣтныхъ выпушекъ; у прежняго же высокаго совѣта ариѳметчиковъ, блажныя памяти, отобраны всѣ знаки отличія, ордена, ленты и звѣзды; за нехитро придуманную, площадную, Иваномъ нашимъ легко исполненную службу, — признаны всѣ учрежденія и постановленія ихъ, да и сами они, несостоятельными, и сосланы они на теплыя воды полечиться. А когда, при вечернемъ осмотрѣ, царь Дадонъ золотой кошель нашелъ всѣ новыя укрѣпленія со всѣми угодьи въ отличной исправности, то и отдалъ коменданту Чихирю всѣ знаки отличій, коими пользовался, блажныя памяти, верховный совѣтъ его.

Между тѣмъ у новыхъ совѣтниковъ царскихъ мало по малу умишко поразгулялся, и они придумали пригадали Ивану такую добрую службу сослужить, что отъ радости приказали поднести себѣ по кружкѣ меду, закусили муромскимъ калачемъ, ростовскимъ каплуномъ и нѣженскимъ свѣжепросольнымъ огурчикомъ, и понесли, убояся грамоты, рѣчи свои царю на докладъ. Да и хитро же придумали! Дуракъ камень въ воду закинетъ, дуракъ узелъ завяжетъ, семеро умныхъ камня не вытащатъ изъ воды, узла не развяжутъ! Ивану нашему велѣли службу служить, а сами за сказки да за пляски, за обѣды да за бесѣды — народъ дѣловой; два брата на медвѣдя, два свата на кисель; изъ лука не мы, изъ пищали не мы, а поѣсть, поплясать, противъ насъ не сыскать!

Охъ ты гой еси доброй молодецъ, Иванъ молодой сержантъ безъ роду безъ племени спроста безъ прозвища, витязь безродный и безконный! Собирайся служить ты службу тяжкую; иди ты туда, невѣдомо куда, ищи того, невѣдомо чего — разойдись одинъ по семи перекресткамъ, съ семи перекрестковъ по семи дорогамъ столбовымъ: за горою лѣсъ, а за лѣсомъ гора, а за тою горою лѣсъ, а за тѣмъ лѣсомъ опять гора — вспомнилъ теперь Иванъ нашъ колыбельную пѣсенку супруги своей! — Придешь ты въ тридесятое государство что

за тридевять земель, въ заповѣдную рощу; въ рощѣ заповѣдной стоитъ теремъ золоченый, въ теремѣ золоченомъ живетъ Котышъ–Нахалъ невидимка искони вѣка; у него–то есть гусли самогуды, сами заводятся, сами играютъ, сами пляшутъ, сами пѣсни поютъ — гусли эти принеси царю, царевичамъ и царедворцамъ и наперсникамъ ихъ играть, потѣшаться, музыкою заморскою забавляться; и чтобы все это было сдѣлано въ однѣ сутки! Исполнишь, хорошо; а нѣтъ, такъ третій и послѣдній тебѣ срокъ, шапки съ головы схватить не успѣешь, какъ она тебѣ, и съ головою, въ ноги покатится!

Уповая на благовѣрную сожительницу свою, прекрасную Катерину, и на помощь вѣщуна–чародѣя, Иванъ нашъ не унывалъ; но когда онъ пересказалъ сожительницѣ загаданную ему службу, тогда получилъ въ отвѣтъ: вселюбезнѣйшій и дражайшій супругъ мой и сожитель Иванъ молодой сержантъ безъ роду безъ племени спроста безъ прозвища, удалая ты голова! нынѣ пришла пора, пришла и служба твоя, и должно тебѣ служить ее самому; не въ моихъ силахъ высвободить тебя ниже подать тебѣ, бѣдствующему, руку помощи: а за симъ она его снарядила и въ походъ отпустила, какъ съ судьбою, съ случаями, путемъ–дорогою вѣдаться научила, платочкомъ итальянскимъ своимъ подарила, и примолвила: паси денежку про

черный день; платкомъ этимъ не иначе, какъ въ самой сущей крайности и въ самомъ бѣдственномъ положеніи, можешь ты утереть съ лица твоего молодецкую слезу горести и скорби! не пренебрегай бездѣльнымъ подаркомъ моимъ, не велика мышка да зубокъ остеръ, не великъ сверчокъ да звонко поетъ — часомъ и лычко послужитъ ремешкомъ! Сѣли, подали хлѣбъ–соль на прощанье, помолились Богу и — пошелъ нашъ Иванъ, куда кривая ни вынесетъ!

И кто бы, благодерзновенный, покусился сподвизаться на такія чудныя и неслыханныя похожденія! Но плетью обуха не перешибешь — когда посылаютъ, такъ идти; не положить же имъ, здорово живешь, голову на плаху; смерть не свой братъ, хоть жить и тошно, а умирать тошнѣе; ретивый парень лучше пойдетъ провѣдать счастья молодецкаго на чужбинѣ, чѣмъ ему умирать безславно на родинѣ!

Иванъ нашъ уже на пути. Терпитъ онъ холодъ и голодъ и много бѣдствій различныхъ переноситъ; Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ; потерялъ онъ счетъ днямъ и ночамъ — свѣтишь да не грѣешь, подумалъ онъ, поглядѣвъ на казацкое солнышко, на луну, только напрасно у Бога хлѣбъ ѣшь! И видитъ онъ вдругъ, что зашелъ въ боръ дремучій и непроходимый, такой, что свѣта Божьяго не взвидѣлъ; пень

на пнѣ, то лбомъ, то затылкомъ притыкается — усталъ хоть на убой! подкосились колѣни его молодецкія, сапоги въ сугробахъ снѣжныхъ глубокихъ вязнутъ — поднялъ онъ лычко подвязать голенище — горе лыкомъ подпоясано! — вынулъ платочекъ даровой завѣтной супруги–сожительницы — вдругъ его какъ на ходули подняло! отозвалося лычко ремешкомъ! на немъ сапоги самоходы, да и такіе они скороходы, что и на одномъ мѣстѣ стоятъ, такъ конному не нагнать; не успѣлъ шагнуть, полюбоваться рысью своею, и уже все вокругъ него зазеленѣлось; зашелъ онъ изъ бѣлой матушки зимы въ цвѣтущую благоуханную весну — и полетѣлъ нашъ Иванъ, оглянуться не успѣлъ, выходитъ изъ лѣсу сосноваго дремучаго на лужайку вѣчнозеленую, травка муравка вѣчно свѣжа зелена, какъ бархатецъ опушкой шелковой ложится, ковромъ узорчатымъ подъ ноги разстилается. И стоитъ на лужайкѣ той зданіе чудное, вызолоченное отъ земли до кровли, отъ угла до угла; столпы бѣломраморные кровлю черепичную–серебряную подпираютъ, на ней маковки горятъ золотыя, узоры прихотливые, живописные и лѣпные подъ карнизами рѣзными разгуливаютъ, окны цвѣтныя хрустальныя какъ щиты огненные злато отливаютъ — ни воротъ, ни дверей, ни кола, ни двора; безъ забора, безъ запора,

говорится, неуйдешь отъ вора, а тутъ все цѣло, исправно, видно некому и воровать! Обошелъ капралъ нашъ зданіе это разъ другой кругомъ, оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ — всюду тоже и входа нѣтъ! Смѣлость города беретъ, а за смѣлаго Богъ; безъ отваги нѣтъ и браги, не бывъ звонаремъ, не быть и пономаремъ! стукъ, брякъ, въ окно хрустальное, зазвенѣло–полетѣло, только осколки брызнули! забрался нашъ Иванъ безродный, удалой въ теремъ золоченный, да и ахнулъ! хороша куропатка перьями, а лучше мясомъ; зданіе внутри блистало такою красотой, что ни придумать, ни сгадать, ниже въ сказкѣ сказать! а палаты огромныя пусты; никто на зовъ Ивана молодова сержанта не откликается; нѣтъ отвѣта, нѣтъ привѣта. Ходилъ, ходилъ Иванъ нашъ, выходилъ по всѣмъ покоямъ, и видитъ вдругъ встрѣчаетъ, глазамъ молодецкимъ не довѣряетъ, стоитъ въ углу чанъ дубовой, виситъ черезъ край ковшикъ луженный. Выпилъ онъ на усталость крючокъ, за здравіе благовѣрной сожительницы своей другой, за упокой клеветниковъ и доносчиковъ своихъ третій — разобрало его, зашумѣло въ головѣ, ходитъ по покоямъ золоченнымъ одинъ какъ перстъ, похаживаетъ, завалилъ руку лѣвую за ухо на самый затылокъ и пѣсенку русскую: растоскуйся ты моя голубушка, моя дорогая, во весь духъ покрикиваетъ.

Вдругъ незримая рука его останавливаетъ, голосъ безвѣстный вопрошаетъ: Охъ ты гой еси доброй молодецъ, мало доблести, много дерзости! зачѣмъ и откуда пожаловалъ, по своему ли желанью или по чьему приказанью?

— Я Иванъ молодой сержантъ спроста безъ прозвища безъ роду безъ племени, я Иванъ безродный удалая голова, витязь бездомный и безконный, служилъ я вѣрно Богу и некрещеному царю своему въ землѣ, что за триста конныхъ миль; сбили меня царедворцы завистливые съ чести, съ хорошаго мѣста, лишили милостей царскихъ, службы непосильныя служить посылали, золотыя горы сулили–обѣщали; сослужилъ я службу, сослужилъ другую, душу позналъ ихъ кривую; — не дали чего посулили, на произволъ судьбы за третьей службой отпустили: иди туда невѣдомо куда, ищи того невѣдомо чего; разойдись одинъ по семи перекресткамъ, съ семи перекрестковъ по семи дорогамъ столбовымъ; за горою лѣсъ, а за лѣсомъ гора, а за той горою лѣсъ, а за тѣмъ лѣсомъ опять гора, придешь въ тридесятое государство, что за тридевять земель, въ рощу заповѣдную: стоитъ тамъ теремъ золотой, въ теремѣ томъ живетъ Котышъ–Нахалъ невидимка искони вѣка — у него возьми гусли–самогуды, сами заводятся, сами играютъ, сами пляшутъ, сами пѣсни поютъ — ихъ то принеси царю, царевичамъ,

царедворцамъ и наперсникамъ ихъ потѣшаться, музыкою заморскою забавляться!

Отозвался невидимка снова: Кого ищешь, Иванъ молодой сержантъ, того нашелъ. Зовутъ меня Котышемъ–Нахаломъ, вѣковѣчный я невидимка, живу въ заповѣдной рощѣ въ теремѣ золоченомъ. Знаю я художества разныя и многія; умѣю я строить–набирать гусли самогуды, да съ уговоромъ: грѣхъ пополамъ; я буду работать, а ты будешь свѣтить мнѣ лучиной три дня и три ночи безъ смѣны, безъ засыпу — просвѣтишь — гусли самогуды возьмешь; а заснешь, не то вздремнешь, такъ голову какъ съ воробья сорву! До слова крѣпись, а за слово держись; попятишься, ракомъ назовутъ!

Полѣзъ по горло, подумалъ Иванъ, лѣзть и по уши; уже теперь не воротиться же стать. Надралъ онъ лучинъ хвойныхъ, зажегъ, свѣтитъ день, свѣтитъ ночь, свѣтитъ и еще день, сонъ клонитъ неодолимый; кивнулъ Иванъ головой, задремалъ. А Котышъ–Нахалъ толкъ его подъ бокъ: «ты спишь, Иванъ?» — Охъ, спать я не сплю, и дремать не дремлю, а думаю я думу. «А какую же ты думаешь думу?» — А думаю я, глядя въ окно, множество несмѣтное ростетъ по свѣту бѣлому лѣсу разнокалибернаго — а какого болѣе ростетъ, кривова или прямова? Чай кривова больше. — Котышъ–Нахалъ

призадумался; погоди, говоритъ, постереги ты на досугѣ гусли, я пойду посчитаю. Пошелъ; а капралъ нашъ тѣмъ часомъ залегъ, да давай на скорую руку спать. Долго ли нѣтъ ли ходилъ Котышъ — не дологъ часъ на аршинъ, да дорогъ улучкою — а Иванъ поспалъ изрядно; онъ солдатъ, спитъ скоро; бывало, подъ Туркою, походя наѣстся, стоя выспится. Вставай, Иванъ, закричалъ Котышъ, твоя правда, кривова лѣсу больше; и больше такъ, что на числа положить, такъ русскимъ счетомъ и не выговоришь. Зажигай–ка лучину, да садись за работу, свѣти трое сутокъ сряду! Свѣтитъ капралъ нашъ день, свѣтитъ и ночь, добился и до другой — опять пѣсня таже; крѣпился, крѣпился, задремалъ! А Котышъ его толкъ въ ребро, спишь, говоритъ? — Охъ, спать я не сплю, и дремать не дремлю, а думаю я думу! — А какую же ты думаешь думу? А думаю я: несмѣтное множество людей на свѣтѣ у Бога да у земныхъ царей, а мало ли было да перемерло? Какихъ же больше людей на свѣтѣ, живыхъ или мертвыхъ? Чай мертвыхъ больше! Покинулъ Котышъ опять Ивана на сторожѣ, самъ пошелъ считать. Ходилъ онъ сутки съ недѣлей безъ семи дней, по ихнему безъ году годъ со днемъ, выходилъ всю поднебесную; а Иванъ на брюхо легъ, спиной укрылся, зѣвнуть не успѣлъ, заснулъ. Вставай, капралъ! пора за работу; а правда твоя,

мертвыхъ людей больше; живыхъ безъ четверти съ седьмухой три осьмины, а остальные всѣ мертвые!

Свѣтитъ Иванъ опять ночь со днемъ, перемогся и другую, а до третьей стало доходить, вздремнулъ, да такъ что всхрапнулъ да присвиснулъ! Толкнулъ его Котышъ въ ребро: спишь, Иванъ? А онъ очнулся, да не нашелся, а вымолвилъ съ перепугу словцо русское: виноватъ! къ пиву ѣдется, а къ слову молвится: авось, небось, да какъ нибудь, а если на бѣду концы съ концами не сойдутся: виноватъ! Вотъ что нашего брата на русской землѣ и губитъ; вотъ за что нашего брата и бьютъ, да видно все еще мало; неймется! Изъ твоей вины, молвилъ Котышъ–Нахалъ, не рукавицы шить, не сапоги тачать, а если такъ, то дѣлать нечего, смерть твоя пришла неминучая. Поди–ка выдь на лужайку муравчатую, на мою заповѣдную мелко–травчатую, погляди еще разъ на бѣлый свѣтъ, простися, покайся, умирать собирайся, а я голову съ тебя какъ съ воробья сорву! Охота хуже неволи; ты же самъ обрекся не животу, а смерти; слово сказано языкомъ да губами, а держись за него зубами!

Вышелъ Иванъ молодой сержантъ на лужайку заповѣдную вѣчно–зеленую, вспомнилъ родину свою, супругу молодую, прекрасную Катерину, и залился слезами горькими. Что рыбѣ погибать на сушѣ и

безводьи, то добру молодцу умирать въ чужѣ на безродьи! Вынулъ Иванъ платочекъ завѣтной италіянской утереть въ послѣдній разъ слезу молодецкую — а ужъ Котышъ–Нахалъ зоветъ его на расправу, подъ окномъ косятчатымъ сидя, въ растворчатое глядя. — Пришелъ къ нему капралъ нашъ, заживо мертвымъ себя почитаетъ, молитвами грѣшными самъ себя поминаетъ. Отколѣ ты взялъ платокъ этотъ? спросилъ у него Котышъ–Нахалъ, невидимка искони вѣка. Иванъ разсказалъ, отъ кого и какимъ случаемъ платокъ ему достался. Ладно кума, лишь бы правда была, отозвался Котышъ — правду ли ты говоришь? — Божиться у насъ не велятъ, да и лгать заказываютъ, отвѣчалъ служивый; что сказано, то и свято; на солдатскомъ словѣ хоть твердыни клади. Не долго думано, да хорошо сказано, молвилъ Котышъ; если такъ, то ты бы мнѣ давно это сказалъ — стало быть ты женатъ на дочери моей прекрасной дѣвицѣ Катеринѣ, и ты, по завѣту, которому столько же лѣтъ какъ ей самой, не только пребудешь живъ, здоровъ и невредимъ и свободенъ отъ всякой пени, но и долженъ получить въ приданое собственныя мои гусли самогуды, искони готовыя, завѣтныя, на которыя и было положено завѣту заслужить любовь и руку дочери моей прекрасной дѣвицы Катерины. Для милова дружка и сережку изъ ушка! Снарядилъ его, въ походъ отпустилъ, гусли

самогуды въ мошнѣ кожанной на плечи повѣсилъ — заиграли, заплясали, пѣсни чудныя запѣли — а Иванъ лыжи наострилъ да направилъ во свояси; шагаетъ, какъ жаръ–птица летаетъ, домой торопится–поспѣшаетъ. Шелъ онъ оттуда високосный годъ безъ недѣли со днемъ, не то поменьше, не то побольше, не поспѣть ему и назадъ въ сутки! Стоитъ надъ путемъ дорогой избушка домосѣдка, распустила крылья какъ курочка–насѣдка, а въ ней стукотня; лукошко, кузовокъ, корзина да коробокъ, вмѣсто цыплятъ вокругъ похаживаютъ, а двѣ вѣдьмы, сестры, одна буланая, одна соловая, вокругъ избы дозоромъ объѣзжаютъ, никого къ ней не допускаютъ. Повѣсилъ Иванъ гусли самогуды на дерево, заслушались вѣдьмы игры чудесной, а онъ тѣмъ часомъ обошелъ кругомъ, да и въ избу. Старикъ сѣдой молотомъ полновѣснымъ передъ жерломъ огненнымъ на наковальнѣ булатной куетъ булавы стальныя, запускаетъ ихъ въ набалдашники золотые, а готовые на полати за печь кидаетъ. Это былъ вѣщунъ–чародѣй, служившій на Ивана, по повелѣнію сожительницы его Катерины, службы царскія, но они другъ друга не знавали въ глаза. Старикъ принялъ радушно пришельца усталаго; лягъ, говоритъ, да отдохни; а старуха моя, коли похлебать чего хочешь, сваритъ тебѣ щецъ — за вкусъ не берусь, а горячо да

мокренько будетъ! Словомъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ, а съ разсвѣтомъ выпроводилъ, да услышалъ, на бѣду, игру чудесную гуслей самогудовъ, и сталъ онъ ихъ у Ивана просить–выпрашивать. Не захотѣлъ отдать ему Иванъ сокровища своего завѣтнаго, плодовъ поисковъ, трудовъ и похожденій неимовѣрныхъ — а тотъ не взялъ добромъ, такъ взялъ въ семеромъ; помощники, которымъ, какъ мы уже видѣли, числа нѣтъ, явились по мановенію повелителя своего, воздухъ и небо затмили множествомъ своимъ. Хочешь ли бороться съ каждымъ и со всѣми? спросилъ вѣщунъ–чародѣй, или добровольно за булаву любую отдашь мнѣ гусли твои? Иванъ подумалъ, да и отдалъ гусли; коротки ноги у миноги на небо лѣзть! Выбралъ булаву по увѣсистѣе и пошелъ, проклиная бѣлый свѣтъ! Куда дѣваться ему теперь? Что дѣлать? Какъ дома, какъ въ люди показаться и принести повинную голову свою на плаху? А былъ уже такъ близокъ великой цѣли своей! Въ раздумьи играя булавой, сталъ онъ набалдашникъ золотой отвертывать. Отвернулъ — изъ палицы кованой несмѣтное и безчисленное множество войска боевова, коннаго и пѣшаго, вылетаетъ, въ строй парадной передъ нимъ на лугу собирается, генералы съ адъютантами своими во всю прыть на Ивана витязя бездомнаго и безконнаго

наскакиваютъ, отдаютъ честь должную полководцу, музыка полный походъ играетъ, подвиги Ивана молодова сержанта выхваляетъ, армія вся въ три темпа ружья на караулъ осаживаетъ, правою ногою отступаетъ. Это несмѣтныя полчища бѣсовъ вѣщуна–чародѣя, обмундированные, вооруженные. Надѣлъ Иванъ набалдашникъ золотой — исчезло все, какъ не бывало; снялъ — опять здѣсь, и бой, и музыка, и армія, и генералы съ рапортами; а гусли самогуды въ котомкѣ за плечами! Смекнулъ дѣломъ капралъ нашъ; набалдашникъ надѣлъ, палицу въ руку, котомку за плечи, самоходцы на ноги, и маршъ на одинъ шабашъ въ родимую свою сторонушку. Поспѣлъ до разсвѣта; сталъ на луга заповѣдные царскіе, которые недовольно человѣкъ ни одинъ не смѣлъ святотатными стопами своими попирать, но на кои и птица мимолетная не садилась — снялъ голову съ булавы и построилъ армію несмѣтную прямо противъ дворца царскаго, а гусли–самогуды заставилъ играть: За горами за долами! Царь, проснувшись, разгнѣвался на дерзостнаго пришельца необычайно, струсилъ безъ мѣры, и послалъ губернатора графа Чихиря пяташную голову освѣдомиться немедленно: что, и какъ, и кто, и почему? Идетъ Чихирь, узналъ Ивана молодова сержанта издали, подходитъ дерзостно, шляпы плюмажной не сымаетъ, рѣчи строптивыя–ругательныя

произноситъ: «Не удивишь ты насъ, Иванъ окаянный, что скоро воротился, и въ расплохъ насъ не застанешь! На тебя висѣлица готова давнымъ давно!» Притравилъ словомъ однѣмъ Иванъ своихъ на стараго недруга закоснѣлаго — схватили — не довольно по клочку, по волоску на каждаго не досталось! Ждалъ, ждалъ царь отвѣта съ нетерпѣніемъ великимъ — нѣтъ, говоритъ, видно этотъ музыки заслушался; поди–ка ты, фельдмаршалъ мой Кашинъ! — Не ломайся овсяникъ, не быть калачемъ, сказалъ ему Иванъ; и этому была участь не завиднѣе перваго, и третьему генералу Дюжину также. Но теперь, вызвался и пошелъ сослуживецъ и поборникъ Ивана молодова сержанта, поступившій нынѣ на мѣсто убылова, сосланнаго за тридевять земель по гусли самогуды. Зная службу и дисциплину, сталъ онъ подходить къ новому полководцу почтительно, держалъ мѣрный шагъ, руки по шву, фуражку снялъ на приличномъ разстояніи, однимъ словомъ: шелъ не спотыкался, сталъ не шатался, заговорилъ не заикался, и освѣдомился отъ имени царскаго о происходящемъ. Иванъ молодой сержантъ спроста безъ прозвища, безъ рода безъ племени, а теперь фельдмаршалъ, полуторный генералъ и самъ себѣ кавалеръ, обнялъ его, приласкалъ, сказался именемъ своимъ, приказалъ царю бить челомъ и

доложить, что Иванъ воротился изъ походу своего, сослужилъ службу царскую, принесъ гусли–самогуды изъ рощи заповѣдной вѣчнозеленой отъ Котыша–Нахала вѣковѣчнаго невидимки царю, царевичамъ и наперсникамъ ихъ потѣшаться, музыкою забавляться. Самъ надѣлъ набалдашникъ на булаву, снялъ войско съ заповѣдныхъ луговъ, и въ послушанiи остался ожидать рѣшенія царскаго. Царь Дадонъ золотой кошель выслалъ звать его ко двору на чай и ужинъ, произвелъ въ военноначальники свои, губернаторы, сенаторы, генералы и кавалеры — но только что Иванъ дался въ обманъ и пошелъ безъ подозрѣнія на зовъ царскій, какъ два наемные рѣзника съ кистенями, съ ножами, бросились съ остервенѣніемъ ему на встрѣчу: они имѣли повелѣніе обезоружить его, отнявъ палицу, и бросить его въ темницу. Велика Ѳедора да дура, а Иванъ малъ да удалъ; имъ было бы выждать, покуда онъ взойдетъ въ тѣсныя ворота дворцовыя и захватить его сзади, а они, не поглядѣвъ въ святцы да бухъ въ колоколъ, поспѣшили, людей насмѣшили, вышли рано, да сдѣлали мало. Теперь Иванъ въ послѣднiй испыталъ коварство царя Дадона золотова кошеля и совѣтниковъ его правдолюбивыхъ; онъ выпустилъ войско свое, конное и пѣшее, на встрѣчу убiйцамъ, обложилъ дворецъ и весь городъ столичный, такъ что лишь только

нашедшая туча дождевая пронеслась въ недоумѣніи, ибо некуда было и каплѣ дождя кануть — и истребилъ до послѣдняго лоскутка, ноготка и волоска Дадона золотова кошеля и всѣхъ сыщиковъ, блюдолизовъ и потакалъ его. Человѣку нельзя же быть ангеломъ, говорили они въ оправданіе свое; но не должно ему быть и діаволомъ, отвѣчалъ онъ имъ — и Соломонъ и Давидъ согрѣшали — Давидски согрѣшаете, да не Давидски каетесь! Нѣтъ вамъ пардону! и по дѣломъ; они всѣ, по владыкѣ своему, на одинъ ладъ, на тотъ же покрой — всѣ наголо бездѣльники; каковъ попъ, таковъ и приходъ; куда дворяне, туда и міряне; куда иголка, туда и нитка.

Иванъ былъ провозглашенъ отъ народа царемъ земли той, а супруга его благовѣрная Катерина царевною; онъ былъ еще въ цвѣтущей молодости своей, да и она въ отсутствіи его не состарѣлась, ибо всѣ неимовѣрныя похожденія его съ Котышемъ–Нахаломъ и гуслями самогудами дѣйствительно произошли въ продолженіи однѣхъ только сутокъ. Царь Иванъ много лѣтъ здравствовалъ и царствовалъ, кротко и смиренно, милостиво и справедливо; пользовался мудрыми совѣтами супруги своей, благовѣрной Катерины, ратію своею несмѣтною держалъ во страхѣ и повиновеніи враговъ своихъ, и былъ благословляемъ народомъ. Празднуя же возшествіе свое и супруги своей на

престолъ, заставилъ на пиршествѣ обильномъ ликовать народъ три дня и три ночи безъ отдыха; вина заморскія лились черезъ край; яствъ, какихъ только прихотливая душа твоя пожелаетъ, вдоволь; скоморохи, выписные и доморощенные, игрища многоразличныя, горы, пляски, салазки и сказки, кулачные бои, увеселяли народъ, со всѣхъ концевъ царства обширнаго собравшійся.

И я и сватъ Демьянъ тамъ были, куму Соломониду дома забыли, медъ и пиво пили, по усамъ текло, въ ротъ не попадало — кто сказку мою дослушалъ, съ тѣмъ подѣлюсь; кто нѣтъ — тому ни капли!